

были связаны с отсутствием национальных кадров и с непривычными для театральных актеров методами поккадровых съемок. Все же цель, поставленная И.С. Максимовым-Кошкинским, была достигнута. Фильм «Сарпиге» при исполнительной смете 37 тыс. рублей был продан «Совкино» за 50 тыс. рублей [3, с.3], что дало возможность в 1927 г. приступить к съемке одновременно двух фильмов: документального – «Страна Чувашская» и художественного – «Черный столб». Документальная картина «Страна Чувашская» посвящалась 10-летию Октябрьской революции и должна была отразить достижения чувашского народа в области экономики, образования и культуры за этот период. Режиссером фильма был назначен московский журналист В. Королевич. Им была проделана большая подготовительная работа, которая, к сожалению, не увенчалась успехом. Фильм был построен на сюжетах из жизни дореволюционной Чувашии, в основном негативных ее сторонах. Премьера фильма состоялась 24 октября 1927 г. в Москве. И.С. Максимов-Кошкинский, занятый на съемках фильма «Черный столб», не имел возможности контролировать работу московского режиссера. Первый раз он увидел картину во время сдачи. На обсуждении И.С. Максимов-Кошкинский обвинил В. Королевича в том, что он включил в картину надуманные, неумело организованные кадры. Между ними состоялся резкий, неприязненный разговор. Местной печатью и зрителями фильм был воспринят как клевета на чувашский народ и быстро сошел с экрана.

На съемках «Черного столба» была создана совсем другая атмосфера. И.С. Максимов-Кошкинский заражал своей неуемной энергией, талантом, сметливостью всю съемочную группу. Сценарий этого фильма был посвящен реакции, наступившей после революции 1905-1907 гг. К работе было привлечено много чувашских актеров: Т. Юн, П. Осипов, Г. Парне, И. Рублев и др. Режиссером был назначен Б. Шелонцев, ассистентом – Г. Парне, оператором – Г. Егиазаров. Основным недостатком фильма, по мнению критики, был слабый сценарий. Но режиссерская работа и работа оператора заслужили одобрение, стал заметен возросший уровень актерского мастерства [4, с. 51].

Все последующие фильмы, снятые трестом «Чувашкино», были посвящены послереволюционной жизни Чувашии. Изменение человека, перестройка его сознания, появление новых духовных ценностей стали основным предметом исследования зарождающегося в новых условиях киноискусства.

1. Антонов М.К. Из истории «Чувашкино» // Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ЧНИИ): Искусствоведение. - Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1967. Вып.35.
2. Антонов М.К. Из истории студии «Чувашкино» // Советская Чувашия. – 1995. – 26 августа.
3. Антонов М.К. Из истории студии «Чувашкино» // Советская Чувашия. – 1995. – 31 августа.
4. Сидорова А.П. К истории «Чувашкино» // Ученые записки ЧНИИ: Искусствоведение. - Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1975. Вып.57.
5. Чувашкультурипеискусствин//Сунтал. – 1926. - №9.
6. Янгиров Р. «Волжские бунтари»: как создавался первый фильм о Чувашии // Молодой коммунист. – 1987. – 27 августа.

ИЗ ПСКОВА В КАРЕЛИЮ

А.В. Филимонов (Псков, Россия)

По итогам «зимней» войны между СССР и Финляндией и в соответствии с советско-финским договором от 12 марта 1940 г. к СССР отошла территория Карельского перешейка с г. Выборгом, Выборгским заливом и островами, западное и северное побережье Ладожского озера с городами Кексгольм, Сортавала, Соуярви, ряд островов Финского залива, территория восточнее Меркярви с г. Коулаярви, часть островов Рыбачьего и Среднего. Карельский перешеек с г. Выборгом и Выборгским заливом, г. Кексгольм (в 1948 г. переименован в Приозерск) вошли в Ленинградскую область РСФСР. Часть территории была включена в Карельскую АССР, преобразованную в том же 1940 г. в Карело-Финскую ССР и вышедшую в связи с этим из состава РСФСР. Практически все население Западной Карелии, отошедшей от Финляндии к СССР, мигрировало в Финляндию: еще в 1939 г. из района Карельского перешейка выехало 426 тыс. финнов, а в 1940 г. миграция в основном завершилась [4, с. 6, 11, 138].

На отошедшей к РСФСР территории Карельского перешейка были образованы три новых района Ленинградской области: Каннельярвский, Койвистовский и Раутовский, г. Териоки преобразован в самостоятельную административно-территориальную единицу, город областного подчинения [3, с. 13]. Поскольку коренное население эти территории покинуло, они стали заселяться выходцами из других республик и областей страны, в том числе из Псковского края, являвшегося в довоенные годы частью Ленинградской области.

В мае 1940 г. Ленинградский облисполком и бюро Ленинградского обкома ВКП(б) приняли постановление «О мероприятиях по освоению территории Карельского перешейка, отошедшего к Ленинградской области», установив для районов области контрольные цифры переселения колхозных хозяйств на новые территории. Во исполнение решения областных организаций 21 мая 1940 г. совместное постановление «О переселении колхозных хозяйств на Карельский перешеек» приняли Псковский окрисполком и

бюро окружкома партии. Они утвердили количество хозяйств, намеченных к переселению, в разрезе районов: из Славковского, Карамышевского, Палкинского и Островского районов предстояло переселить по 20 хозяйств, из Сошихинского и Псковского – по 10 (всего из округа 100 хозяйств). Окружные органы обязали райисполкомы и райкомы ВКП(б) указанных районов «немедленно приступить к организованному отбору переселяемых колхозных хозяйств».

Не прошло и месяца, как 5 июня 1940 г. Ленинградский облисполком и бюро обкома партии утвердили дополнительный план переселения колхозных хозяйств на Карельский перешеек, а псковские окружные органы уже 11 июня довели задание до районов, из которых производилось переселение. На этот раз оно коснулось не только прежних, но и ряда других районов округа: из Гдовского района надлежало переселить 20 хозяйств, Псковского и Струго-Красненского – по 10, Сошихинского и Островского – по 5 (всего из округа 50 хозяйств). Окрисполком и бюро окружкома ВКП(б) обязывали руководство этих районов «отобрать в порядке добровольности указанное количество колхозных хозяйств и обеспечить прибытие их к месту нового жительства в срок до 25 июня» [1, ф. Р-324. оп. 1. д. 473. л. 182, 219; 2, ф. 3. оп. 2. д. 176. л. 102, 180-181]. Кампанию, таким образом, предстояло провести весьма оперативно и в крайне сжатые сроки.

Переселение производилось не только из районов, входивших в состав Псковского пограничного округа, но и расположенных за его пределами, как и из ряда других районов обширной Ленинградской области и прочих областей РСФСР. В результате территория Карельского перешейка уже до Великой Отечественной войны была заселена в основном выходцами из других областей страны. Начавшаяся вскоре война нанесла огромный ущерб его экономике и трудовым ресурсам, поэтому с освобождением территории Карельского перешейка в 1944 г. потребовались дополнительные меры по его возрождению, в том числе и пополнению сильно сократившейся численности населения.

В ноябре 1944 г. территория Карельского перешейка была включена в состав Ленинградской области: Выборгский, Кексгольмский, Яскинский районы и города областного подчинения Выборг и Кексгольм. В августе 1945 г. центр Каннельярвского района был перенесен из с. Каннельярви в с. Райвола, а Каннельярвский район переименован в Райволовский [3, с. 14].

Пополнение людских ресурсов этих районов за счет переселенцев из других областей страны коснулось и Псковской области. Если в 1940 г. переселение полутора сотен колхозных семей из Псковского округа на Карельский перешеек было внутриобластным, то теперь уже существовала вновь образованная Псковская область, и вопросы переселения части ее жителей в соседний регион решались в Москве. В соответствии с указаниями СНК РСФСР от 25 августа 1945 г. и его Переселенческого управления Псковскому облисполкому уже в 1945 г. предписывалось немедленно организовать переселение на Карельский перешеек семей демобилизованных из Красной Армии, проживавших в Псковской области. Переселение надлежало произвести в три очереди: 12 семей – в сентябре 1945 г., 24 семей – в декабре, и еще 8 семей – в январе 1946 г. (всего 44 семьи) [1, ф. Р-1121. оп. 1. д. 125. л. 6].

Выбор в качестве переселенцев семей демобилизованных из Красной Армии не был случайным. Руководство страны рассчитывало таким путем быстрее решить вопрос с устройством вчерашних воинов и обеспечить их занятость в народном хозяйстве. Считалось, что демобилизованные из армии еще не успели в родных местах обзавестись собственным жильем и хозяйством, далеко не все из них трудоустроились, особенно в районах, сильно пострадавших в годы войны. К последним относилась и Псковская область, поэтому была надежда на скорое решение вопроса и без особых проблем.

21 сентября 1945 г. уже имелся список переселенцев «первой очереди»: 12 семей из 9 районов области (из Псковского, Островского и Дедовичского районов – по две семьи, из остальных – Славковского, Ашевского, Порховского, Полновского, Сошихинского и Дновского – по одной) [1, ф. Р-1121. оп. 1. д. 45. л. 4]. Для отправки их в распоряжение Псковского облисполкома было выделено 6 вагонов, которые формировались на нескольких железнодорожных станциях: в Пскове – два вагона, на остальных – по одному (Дедовичи, Остров, Порхов и Дно). После погрузки все вагоны должны были формироваться на станции Дно в один эшелон, направляемый отсюда в Карелию (отъезд был назначен на 30 сентября). Областной переселенческий отдел 20 сентября направил просьбу Управляющему Сельхозбанком о переводе переселенцам единовременного денежного пособия и возмещении всех расходов, связанных с переселением [1, ф. Р-1121. оп. 1. д. 47. л. 3, 44].

Казалось бы, необходимая подготовительная работа была проведена, но в последний момент все 12 семей – переселенцев первой очереди, отказались выезжать (их заявления и акты об отказе поступили в Переселенческое управление) [1, ф. Р-1121. оп. 1. д. 125. л. 6]. Власти объясняли это организационными упущениями (отбор переселенцев начался с запозданием, недостаточно велась с ними индивидуальная работа и т.п.), но главное заключалось все же в том, что псковичи не видели в переселении особой необходимости: территория Карельского перешейка тоже пострадала в годы войны, и большой разницы в условиях жизни там и в родных местах они не чувствовали. К тому же, не имелось и достаточных для этого стимулов: с отобранными на переселение не были своевременно проведены все необходимые расчеты, задержалась выдача пособий, до них не были четко доведены условия переселения, полагавшиеся при этом льготы, а иные просто не пожелали расставаться с родными местами.

Отказ переселенцев первой очереди, однако, вовсе не означал освобождения Псковской области от выполнения задания Правительства, поэтому ее руководство более серьезно озаботилось подготовкой к переселению новой группы – переселенцев «второй очереди». На этот раз последовало распоряжение облисполкома «О переселении в районы Карельского перешейка Ленинградской области 24 семей демобилизованных из Красной Армии, проживающих в Псковской области» от 27 ноября 1945 г., обязавшее переселенческий отдел и райисполкомы в срок до 15 декабря подготовить к переселению указанное число семей. Настоящим распоряжением определялись права переселенцев и делались поручения соответствующим областным организациям. Каждая переселенческая колхозная семья, не имевшая в личном пользовании скота, должна была получить с ферм колхоза, в котором она состояла, корову, 2-3 овцы и 5-10 кур, сельхозартели должны были провести с переселенцами все расчеты по трудодням – в размерах, предусмотренных производственными планами колхозов, рекомендовать находившиеся в их личном пользовании скот, птицу, имущество и предметы домашнего обихода взять с собой, оказать содействие в продаже жилых домов и надворных построек. Все переселенцы должны были перед выездом пройти медицинский осмотр и санитарную обработку, обеспечивались проездными документами, организовывался подвоз людей и имущества к станциям погрузки, торговые организации обязывались обеспечить продажу и перевозку необходимых товаров, хлеба и продуктов питания (сухой паек на каждого члена семьи сроком на 10 дней – по нормам, установленным для рабочих; по три пары валенок, одной паре кожаной обуви, два платка и два головных убора – на каждую семью). Областное отделение Сельхозбанка должно было выдать каждой переселенческой семье единовременное денежное пособие в размере 5000 руб. [1, ф. Р-903. оп. 1. д. 129. л. 515].

В начале декабря 1945 г. была уже отобрана новая группа переселенцев – 24 семьи, в которых насчитывалось 127 чел. (в каждой – от 2-х до 7 членов). Им предстояло «россыпью» поселиться в различных районах Карельского перешейка – Койвистовском, Кексгольмском, Раутовском, Яскинском, Выборгском и Каннельярвском, т.е. мест компактного размещения переселенцев в новых местах не предусматривалось. Преобладали среди них рядовые колхозники, но в списках значились также председатель колхоза, механик МТС, слесарь, сапожник, животновод, печник, кузнец, шофер. Переселенческий отдел, вооруженный решением облисполкома от 27 ноября 1945 г., обратился в областной отдел торговли с просьбой обеспечить продажу продовольственных и промтоваров всем 24 семьям, переселяющимся на Карельский перешеек [1, ф. Р-903. оп. 1. д. 129. л. 516-524; ф. Р-1121. оп. 1. д. 47. л. 218].

Они должны были отправиться из Псковской области 20 декабря 1945 г., но ситуация во многом повторилась: 10 семей, как и в предыдущий раз, отказались от переселения. Переселенческий отдел обратился в областное отделение Госбанка с просьбой обеспечить выдачу наличных денег (в сумме 70 тыс. руб.) уже только 14 семьям. Выдавать их предполагалось «дозами» в три очереди: к 18 декабря – на 5 семей (25 тыс. руб.), к 19 декабря – еще на 5 семей (25 тыс. руб.), и к 20 декабря – на оставшиеся 4 семьи (20 тыс. руб.). Затем выяснилось, что одна подобранная семья по указанному адресу вообще не проживала, поэтому к отправке было подготовлено только 13 семей. Но в декабре фактически удалось отправить только 8 семей. Некоторые райисполкомы (Славковский, Ашевский, Пожеревицкий), несмотря на распоряжение облисполкома, своевременно не обеспечили доставку переселенцев к станциям погрузки, ряд колхозов оказались не в состоянии обеспечить их скотом и птицей, задержал выдачу денег Госбанк (единовременного денежного пособия), у торгующих организаций отсутствовало достаточное количество промтоваров нужного ассортимента для продажи переселенцам и др. Поэтому 5 семей «второй очереди» были отправлены с запозданием - только в январе 1946 г.

В это время должна была отправиться на Карельский перешеек уже и группа «третьей очереди» - 8 семей, но с ней тоже случилась задержка, главным образом, по причине отсутствия в банке средств для выдачи единовременного денежного пособия. Переселенческий отдел выражал даже тревогу, что срыв сроков отправки их в январе ставит под угрозу направление этой группы вообще: «теперь, когда наступила весна, следует полагать, что большинство из этих 8 семей откажутся от переселения». Тревога не была напрасной: приближалось время весенне-полевых работ, и оставшимся на местах переселенцам необходимо было заняться посадкой картофеля и овощных культур, чтобы обеспечить себя продуктами на зиму. Запоздавшее прибытие на Карельский перешеек, после завершения времени посева, обрекало их в новых местах на голодное существование [1, ф. Р-1121. оп. 1. д. 125. л. 6-7, 13-14; д. 47. л. 251].

Следовательно, в 1945 – начале 1946 г. задание Правительства по переселению на Карельский перешеек Псковской областью было выполнено не полностью, - главным образом, не по причине нежелания ее жителей, а вследствие труднейшего положения края после тяжелейшей войны. Финансовым учреждениям оказывалось порой не под силу обеспечить переселенцев необходимыми пособиями, торговым предприятиям – организовать продажу нужных товаров и продуктов, колхозы оказывались не в состоянии выделить скот и птицу (особенно коров, потому что фермы только начинали возрождаться), и даже произвести расчеты с изъявившими желание на переселение по трудодням. Выезд небольшого количества семей в районы Карельского перешейка на состоянии трудовых ресурсов Псковской области существенно не сказался, но этот регион был в послевоенные годы первым, куда начались плановые переселения жителей из вновь образованной области. За Карельским перешейком последовали Калининград-

ская область и Сахалин (1946-1948 гг.), затем – районы Севера, Востока и Сибири, целина и др., вдобавок ежегодно проводились плановые вербовки населения в промышленность, строительство, на транспорт, лесо- и торфозаготовки и др., наборы молодежи для обучения в школах ФЗО и ремесленных училищах. Вследствие значительных людских потерь в годы войны, сокращения естественного прироста и миграций в другие регионы страны численность населения Псковской области в течение всех послевоенных лет неуклонно уменьшалась.

Переселение на Карельский перешеек производилось в 1945-1946 гг. не только из Псковской области, но и из ряда других регионов, поэтому здесь было обеспечено значительное преобладание русского населения над оставшимся коренным – финнами, карелами и др. Таким образом, переселения имели гораздо большие последствия не для коренных российских областей, к числу которых относилась и Псковская, а для вновь заселяемой территории. Логическим следствием этого стало переименование районов, городов, рабочих поселков и сельсоветов на Карельском перешейке, которые вместо прежних финских названий приобрели русские. В октябре 1948 г. Кексгольмский район был переименован в Приозерский (райцентр Кексгольм – в г. Приозерск), Койвистовский – в Приморский (райцентр Койвисто в г. Приморск), Райволовский – в Роцинский (райцентр Райвола – в селение Роцино), Раутовский – в Сосновский (райцентр пос. Раута - в пос. Сосново) и др. В 1949 г. были присвоены русские наименования всем населенным пунктам Выборгского, Приозерского, Приморского, Сосновского, Лесогорского и Роцинского районов; большинство их было названо в память воинов Красной Армии, погибших в районах Карельского перешейка во время Великой Отечественной войны [3, с. 15].

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО).
2. Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области (ОДНИЛС ГАПО).
3. Административно-территориальное деление Ленинградской области: Справочник. – Л.: Лениздат, 1990. – 224 с.
4. Население России в XX веке: Исторические очерки. – Т. 2 (1940 – 1959 гг.). – М.: «Наука», 2001. – 346 с.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В.К. Клец (Днепр, Украина)

Несмотря на почти 73-хлетнее расстояние после окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн, они не прекращают привлекать внимание исследователей. Но на протяжении длительного времени основное внимание уделялось вопросам борьбы на фронтах, политике воюющих держав, политическим и экономическим аспектам оккупационного периода. И практически никто не освещал проблемы повседневной жизни населения в условиях оккупации. Только в последние десятилетия начинают появляться работы, посвященные этой проблеме [27; 28; 30]. Они помогают более полно отобразить картину оккупационного режима на занятых немецкими войсками территориях. Кроме того, стоит учитывать, что, как отмечает российский исследователь Н.С.Борисов, «в суете будней причудливо сочетается личное и общественное, государственное и общечеловеческое, сиюминутное и вечное» [1, с. 4].

Важную роль в решении проблемы освещения повседневной жизни населения в условиях играют архивные документы. Большая коллекция подобных документов хранится в Государственном архиве Днепропетровской области. Это документы органов оккупационной администрации (сельских [4], районных [21; 24], городской [2], областной управ [13], штабт- и гебитскомиссариатов [3; 22]), сельскохозяйственных предприятий [23], периодические издания. Данные документы можно разделить на несколько групп в зависимости о сферы общественной жизни, которая в них освещается. Наиболее информативными являются документы, освещающие такие сферы жизни, как работа и быт населения, сфера образования.

Немаловажное значение оккупационные власти уделяли организации сельскохозяйственного производства, так как необходимо было обеспечить сырьем и продовольствием как население и промышленность Германии, так и ее вооруженные силы. Данный сюжет довольно подробно освещается в документах фондов сельских и районных управ [4; 21; 23; 24].

Новая власть сразу же начала осуществлять реорганизацию аграрного сектора, но она касалась скорее его формы, а не содержания. Колхозная система оставалась практически в неизменности. Например, очень часто в распоряжениях старостам сельских управ говорилось о том, что колхозы должны сдавать свою продукцию тем же образом, что и до войны, сохранялись при этом и довоенные расчеты с колхозами. Вместо колхозов в соответствии с директивой имперского министра по делам оккупированных восточных областей А.Розенберга от 15 февраля 1942 г. создавались «общественные хозяйства», но они почти ничем не отличались от колхозов: возглавляли их старосты, в них сохранялась обязательная трудовая повинность, вышестоящие власти решали, какую часть урожая надо сдавать, а какую – оставлять себе,